

НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: РОССИЯ

Л.С. Лаврентьева

КРАЙ ЛЕСОВ, РЕК И ПОЭТОВ (КАРЕЛЬСКАЯ ФОТОЭКСПЕДИЦИЯ 2008 г.)

В 2008 г. лаборатория аудиовизуальной антропологии (ЛАВА) МАЭ РАН провела вторую экспедицию. В этот раз был выбран один из районов Южной Карелии. Карельская фотоэкспедиция вписывалась в проект, предложенный заместителем директора по науке д.и.н. Е.А. Резваном «Экспедиции продолжаются».

В конце XIX — начале XX в. среди собирателей коллекций музея был известный фотограф, автор научно-популярных очерков и альбомов по этнографии народов России Михаил Антонович Круковский, который объездил многие области, подбирая материал для своих путевых очерков и альбомов. Путешествуя по Уфимской, Оренбургской, Вятской, Пермской и Олонецкой губерниям, он систематически снабжал своими фотоработами многие музеи и библиотеки Санкт-Петербурга и Москвы. Фотографиями иллюстрированы и его собственные публикации. Фотографии М.А. Круковского или рисунки с его фотографий, выполненные разными художниками, мы можем увидеть во многих известных изданиях, например в «Живописной России».

Значительное количество фотографий попало и в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Коллекция № 1363 насчитывает 283 снимка по Олонецкой губернии, в коллекции № 1919 зарегистрировано 382 фотографии по народам, населявшим Южный Урал. В коллекции № 2354 насчитывается 284 снимка. М.А. Круковский не только оставил в МАЭ свои превосходные фотографии, но и собрал для Музея уникальную коллекцию предметов (106 экспонатов), которые характеризуют почти все стороны жизни карельского и русского населения Олонецкого края. И если фотографии М.А. Круковского можно обнаружить в библиотеках и других музеях России, а возможно, и в Западной Европе, то коллекционные вещи есть только в МАЭ. Коллекции, которые он

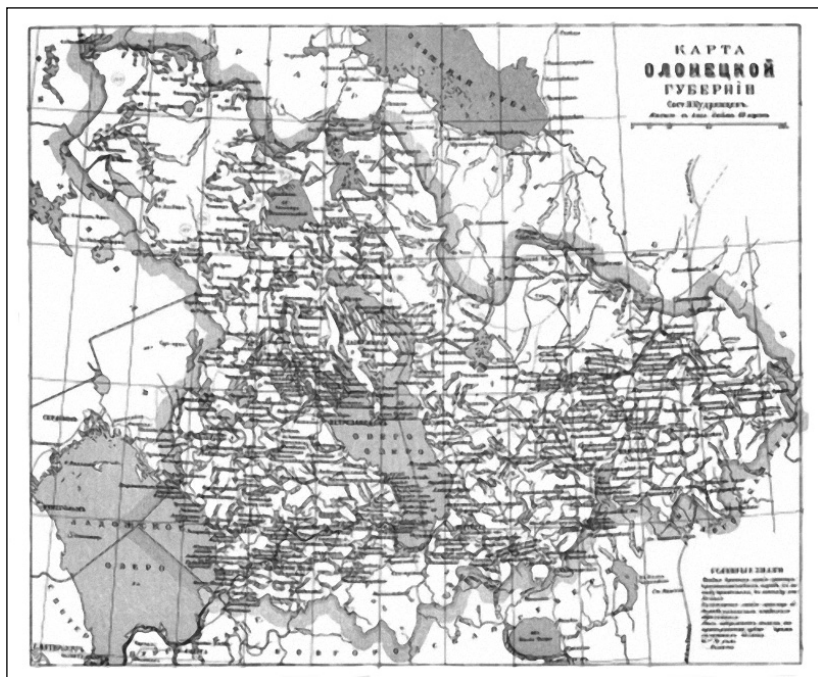

Рис. 1. Карта Олонецкой губернии. Маршрут путешествия М.А. Круковского

собирал для своего музея в городе Камень-на-Оби, к сожалению, время не сохранило [Зенухина 2005: 173–181; Лаврентьева 2007: 273–279].

Связи М.А. Круковского с Музеем, вероятно, начались еще в конце XIX в., когда он вместе с женой (С.К. Круковской, в девичестве Бурэ) приехал в Петербург в 1899 г.

В одном из писем на Историко-филологическое отделение Императорской Академии наук от 6 апреля 1899 г. В.В. Радлов, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, просит для фотографа-любителя Михаила Антоновича Круковского, исполнявшего фотографические работы по заказу музея и ныне отправляющегося в Олонецкую и Пермскую губернии для составления альбомов видов и типов населения этих губерний с мая по сентябрь, заготовить свидетельства, или открытые листы [СПФА РАН. Ф. 142, оп. 1, № 53, л. 99–100 об.].

Прошло более 100 лет после того, как Михаил Антонович Круковский совершил поездку в Олонецкий край. Ее результатом стала монография «Олонецкий край. Путевые очерки» [Круковский 1904], а также

богатеишие коллекции предметов (МАЭ, колл. № 504, 106 ед.хр.) и фотографий (МАЭ, колл. № 1363, 283 ед.хр.).

Свое путешествие М.А. Круковский подробно описал в монографии. Книгу, которая вышла небольшим тиражом, но с большим количеством иллюстраций, можно отнести к жанру путеводителя. Даже ее формат продуман. Она небольшая и достаточно компактная. Здесь описаны не только местные красоты, достопримечательности, жители, с которыми ему довелось встречаться и беседовать, но и то, каким образом, на каком транспорте добраться до того или другого места.

Фотоколлекция, коллекция предметов, монография М.А.Круковского и стали тем отправным материалом, который позволил организовать экспедицию спустя 100 лет.

Из большого маршрута М.А. Круковского по Олонецкому краю (рис. 1) (Санкт-Петербург, Ладожское озеро, река Свирь, Лодейное Поле, Александро-Свирский монастырь, Олонец, Видлица, Петрозаводск, Шуя, Повенец, Кижы, Пудож, Подпорожье) были выбраны только два района — Видлицкий и Олонецкий, а также Александро-Свирский монастырь. И каково же было наше удивление, когда выяснилось, что именно эти районы давно не посещались ни этнографами, ни фольклористами.

Местом для базирования экспедиции было выбрано сельское поселение Видлицы. Когда М.А. Круковский путешествовал по Видлице, это поселение имело статус деревни. М.А. Круковский писал: *«Деревня Видлица стоит на реке Видлице. Она чрезвычайно живописна. На островке стоит церковь за каменной стеной, вблизи школа, а по берегу реки расположились громадные дома карел. Есть здесь и волостное правление, и доктор, несколько лавок. Видлица — большое селение, заброшенное в страшной глуши»* [Круковский 1904: 61]. Сегодня Видлица (рис. 2) — центр Видлицкого района, но мало чем отличается от селения, описанного М.А. Круковским.

Рис. 2. Сельское поселение Видлица. 2008 г. Фото С. Шапиро

С замечанием М.А. Круковского по поводу карельского языка: *ка-рел, «который, несмотря на вековое соседство русских, несмотря на отсутствие литературы и своей грамоты, не утратил своих племенных особенностей, даже языка и не столько сам смешивался с другими, сколько претворял в себе других»* [Там же: 38], тоже можно согласиться. Видлицкий район все же больше карельский, чем русский.

Православие и давние контакты карел со славянским населением оказали влияние на широкое распространения двуязычия. Массовые контакты славянского населения на территории Карелии были, можно сказать, постоянными. Последние крупные миграции пришлись на 50–60-е годы прошлого века, когда сюда приехало значительное количество белорусов, украинцев и русских. Так, на территории Видлицкого поселения на берегу Ладожского озера в устье реки Видлицы обосновалось некарельское население. Выделение Усть-Видлицы на территории Видлицкого сельского поселения отразилось и в неофициальном делении местного кладбища на две части, в одной из которых хоронят карел, а в другой — людей прочих национальностей. Если говорить о карельском языке, то мы его слышали чаще, чем ожидали. Старшее поколение свободно владеет и финским языком.

М.А. Круковский писал: *«Но православными они (карелы) считаются лишь номинально: громадное большинство их придерживается “старой веры”*. <...> *Признаки суеверия карел можно найти на кладбищах, в лесах, на озерах, везде»* [Там же: 40].

В этом мы убедились, побывав в первый же день нашей экспедиции на кладбище Видлицкого сельского поселения. Оно расположилось буквально в километре от поселка, в сосновом лесу. И если бы не было оград и крестов, мы бы увидели типичный ландшафт карельского леса. Могила напоминали заросшие брусничником и мхом валуны. На многих старых могилах были еще заметны доски, которыми обшивали могильные холмики. Следуя своей древней традиции, карелы на могилы до сих пор кладут доску с именем умершего, датой рождения и смерти.

Анатолий Николаевич Степанов — глава Видлицкого сельского поселения — показал нам и святой камень, и поклонный крест, и могилу сказительницы Екатерины Георгиевны Гавриловой, родившейся в 1888 г. и умершей в 1968 г. в деревне Гавриловка, что находится всего лишь в нескольких километрах от Видлицкого сельского поселения, где мы, конечно, тоже побывали.

Никто уже не помнит, когда появился на территории кладбища этот небольшой камень, кем и когда он был освящен (рис. 3). Только до сих пор к святому камню приносят щепотки земли с могил видлиццев, по-

Рис. 3. Поклонный камень. Видлица. Кладбище. 2008 г. Фото С. Шапиро

Рис. 4. Лесное озеро (ламбушка). 2008 г. Фото С. Шапиро

хороненных в разных уголках России. Непременно посещают это место родственники или знакомые в дни рождения умерших, в дни кончин, в календарные поминальные дни и праздники. Когда-то святой камень был огорожен деревянной оградой, а рядом стоял металлический крест. Недавно усилиями Анатолия Николаевича это место было благоустроено и установлен деревянный поклонный крест.

И еще один объект, «самый настоящий языческий уголок» [Там же: 89] — ламбушка, так ласково карелы называют небольшие лесные озера. Озеро, которое посетил М.А. Круковский, находится в нескольких километрах от деревни Большие Горы.

«Перейдя лесную дорожку, мы очутились в глухом лесу. Пробираясь тропинкой меж кустов, мы вошли в топкую ложбину. Перед нами лежало другое озеро, маленькое, но такое мрачное, что просто становилось жутко и неприятно. <...> Эта ламбушка, по верованию карел, — заколдованная. Она обладает чудодейственной силой. Если в семье болеет ребенок, карелка несет его сюда и, как он есть, в одежде, погружает его с головкой в воду несколько раз. При этом она шепчет заклинания. Затем она раздевает его донага и надевает новое, принесенное с собой платье, старое же — с болезнью, с немочью — оставляет здесь злым духам озер» [Там же: 87–88].

Нам было любопытно узнать, сохранились ли в памяти сегодняшнего населения деревни сведения о волшебном озере. Интересно, что на наши вопросы, есть ли такое озеро, мы сначала получали отрицательный ответ, но при дальнейшем уточнении жители старшего и даже среднего поколения вспоминали, что такое озеро есть (рис. 4).

Интересно, что само озеро, вода которого должна забрать болезни, имеет определенный набор признаков: топкие берега, к воде не подойти, у озера нет дна. Озеро трудно найти, к нему идет узкая тропинка, само место мрачное, жуткое и неприятное. Это еще раз говорит о том, что человек в состоянии болезни находится между мирами — «миром мертвых» и «миром живых». Лечение должно проводиться именно на этой границе.

У карел в прошлом были широко распространены добыча руды и как следствие — кузнечное ремесло. В XIX в. карельские кузнецы из руды изготавливали различные предметы, необходимые для хозяйства: земледельческие орудия (сошники, косы, топоры, заступы), коровьи колокола, подковы для лошадей и т.д. В Видлицкой волости карельские кузнецы в основном занимались выделкой коровьих колоколов. Один такой колокольчик был подарен нам Галиной Викторовной Ковалевич (главный специалист Видлицкого поселения). Она нашла его в хлеву

дома Евдокии Пекиной, в деревне Симон Наволок Видлицкого сельского поселения.

Свою историю имеет и Видлицкий сталелитейный завод. Его посетил и М.А. Круковский. Краеведу Анатолию Александровичу Сапожникову с помощью местных жителей удалось обозначить территорию завода, а в устье реки Видлицы обнаружить берег, где сгружали шлак, куда подходили баржи с углем (уходили они с чугунными заготовками), где буксировались пароходы с лесом. На высоком берегу реки Видлицы А.А. Сапожников показал места крепления леса у берега и места печей для выжигания угля. Эти уголья сегодня особенно любят огородники. Земля там плодородная, и если взять ее на ладонь, то можно найти вкрапления угля.

«Видлицкий сталелитейный завод стоит на самом берегу Ладожского озера. Длинная дамба выдается прямо в озеро, тут стоят пароходы. В больших заводах по обеим сторонам дамбы стоит масса леса. На берегу груды шлака, руды, ярусы чугунных свинок, печи для выжигания угля, заводские строения, и посреди главный корпус завода с возвышающейся трубой» [Там же: 63–64].

В те времена руду завод получал в основном из Финляндии, дрова сплавляли по рекам Видлице, Тулоксе и Олонке.

В первом десятилетии XX в. в Карелии была введена пошлина на дрова, выделка железа не стала себя оправдывать, кузнечное мастерство начало падать [Тароева 1965: 55].

Многочисленные реки и озера Карелии и самое главное озеро — Ладожское — все еще богаты ценными промысловыми рыбами. Когда-то на берегу Ладожского озера находился филиал Сортаваловского рыбного завода. Сюда рыболовецкие артели привозили рыбу из самых отдаленных уголков Карелии. Сейчас пойманную рыбу сразу же увозят в Санкт-Петербург.

Именно рыба с древнейших времен занимала одно из первых мест в питании карел. Рыбу употребляли в самых разнообразных видах: свежую, соленую, сушеную и т.п. Повсеместно заготавливали впрок сушеную рыбу (сушик), которой хватало на весь год. И сегодня почти в каждом карельском доме мы видели большие стеклянные банки с заготовленным сухим мальком. Считают, что крепкая уха из сушика является прекрасным лекарством при желудочных заболеваниях.

«Малек этот ловится весной и сушится тут же, где выловлен, на песке или на крыше рыбацкого шалаша» [Круковский 1904: 44] (рис. 5). Сегодня малька на песке уже не сушат — это делают в печах. Мелкую плотву и окуней продолжают вялить на открытом воздухе, нанизывая

Рис. 5. Шалаш рыбаков. Фото М.А. Круковского. МАЭ. Колл. № 1363–77

Рис. 6. Шалаш рыбаков. 2008 г. Фото Н. Ушакова

на веревку и подвешивая под крышей дома или амбара. На живописном лесном берегу Ладожского озера мы обнаружили рыбацью избушку, осмотрели и сфотографировали ее (рис. 6).

Застав лов корюшки, мы попробовали рыбу, приготовленную в молоке с репчатым луком. Жарить, по карельским обычаям, рыбу не принято.

Во многих карельских деревнях еще сохранились часовни. Местные жители (обычно это пожилые женщины) ухаживают за постройками и проводят службы. В деревне Гавриловка есть небольшая часовенка «Утоли мои печали», где мы были на службе во время праздника Вознесения (рис. 7).

Конечно же, побывали мы и в деревне Большие Горы, о которой так подробно рассказал М.А. Круковский в своей книге «Олонецкий край». *«Эта деревня живописно раскинулась на высокой горе. Вокруг вид на десятки верст, всюду лесные дали. Вот она — лесная страна»* [Там же: 83]. Так описал М.А. Круковский деревню Большая Гора.

Удивительно приветливо встретила нас Антонина Михайловна Гошкева, которая рассказала нам и о церкви, которую видел и сфотографировал М.А. Круковский, и о часовне, в которой она и еще несколько пожилых женщин проводят службу по праздничным и воскресным дням. Именно в одном из домов этой деревни нам удалось собрать предметы традиционного карельского быта (более 40 единиц). Многие из этих ве-

Рис. 7. Часовня в д. Гавриловка. 2008 г. Фото С. Шапиро

щей буквально дублируют предметы из коллекции М.А. Круковского. В карельской избе преобладала деревянная утварь. Новые берестяные короба, корзины из дранки имеются и сегодня в каждом доме. С одними ходят в лес по грибы и ягоды, другие используют при переноске дров или уборке картофеля. Когда-то каждый карел умел плести кошело, корзины, солонки и т.п. Сегодня имена мастеров, которые специализируются на плетении корзин, хорошо известны, и без заказов они не остаются.

Всегда в хозяйстве карельского дома были и бондарные изделия: ушаты, лохани, квашни, ведра, кадушки, подойники, бочки. Правда, эта утварь сегодня встречается редко, а то, что сохранилось от старых времен, используется не по своему прямому назначению. Найти ее можно в сараях, куда попадают старые вещи. Интересно, что назначение, т.е. функции той или другой утвари, менялось в период ее бытования.

Во время экспедиции было услышано и записано много песен: на карельском, русском и финском языках. В Видлицах есть два фольклорных коллектива, участники которых поддерживают отношения с исполнителями старшего поколения. Конечно, мы не услышали старинных эпических песен, но зато записали много лирических песен и городских романсов.

Рис. 8. Город Олонец. Фото М.А. Круковского. МАЭ. Колл. № 1363–36

Следующим местом, которое планировалось посетить, был город Олонец и его окрестности. Свое знакомство с городом (рис. 8) мы начали с краеведческого музея карел-ливвиков. Вся экспозиция, размещившаяся в нескольких залах, позволила нам познакомиться с историей возникновения первого поселения на слиянии двух рек, с интерьером карельского дома и городским бытом. В музее насчитывается более 200 тыс. экспонатов. С 1959 г. фонды музея постоянно пополняются новыми предметами, в основном за счет дарений. В этом году музей должен переехать в новое отреставрированное здание в центре города.

На обратной дороге мы заехали в Александро-Свирский монастырь и еще раз убедились в том, что, отъехав на 200–300 км от Петербурга, можно увидеть архаику, о которой никто и не подозревал.

Библиография

Зенухина Т.Н. Круковский и Каменский краеведческий музей // Краеведческие записки. Барнаул, 2005. Вып. 5. С. 173–181.

Круковский М.А. Олонецкий край. Путевые очерки. СПб., 1904.

Лаврентьева Л.С. Иллюстративные коллекции М.А. Круковского // Радловский сборник. СПб., 2007. С. 273–279.

Тароева Р.Ф. Материальная культура карел. М.; Л., 1965.